

положение на этом направлении, если ЕС начнёт играть в таких операциях более заметную роль.

Это тем более касается отношения Евросоюза и его военно-политических структур к «горячим точкам» на постсоветском пространстве – от Приднестровья или Нагорного Карабаха до Чечни. Пока европейская реакция на них не внушает в Москве чрезмерного оптимизма.

Наконец, третий критерий касается эффективности усилий по координации антитеррористических акций и борьбы с международной организованной преступностью в общеевропейском масштабе, которые ощущено дополнили бы практику в рамках уже существующих структур вроде Интерпола и Европола.

Если на все эти вопросы Евросоюз сумеет дать ответы, которые устраивают Россию, то развитие сотрудничества между ними в сфере безопасности вполне может получить реальную перспективу. Первый шаг в этом направлении уже сделан на саммите Россия – ЕС, прошедшем 31 мая 2003 г. в Санкт-Петербурге, где российская и европейская стороны согласились вести совместную борьбу с терроризмом, активно взаимодействовать в сфере юстиции и борьбы с преступностью, укреплять сотрудничество в области нераспространения ОМУ, средств его доставки и соответствующих технологий. Подчёркивалась также перспективность взаимодействия в области защиты граждан, включая поисково-спасательные операции, ликвидацию последствий стихийных бедствий и террористических актов.

Если сравнить эти формулировки с текстом «документа Х.Соланы», представленного три недели после окончания сессии Евросовета в Салониках, то точки соприкосновения между ними вполне очевидны. Иными словами, нынешний вариант ЕПОБ способен впервые оказаться для ЕС общим знаменателем как в отношениях с США, так и с Россией. Остаётся лишь наполнить его достаточно весомым конкретным содержанием.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЯДЕРНОГО КОНФЛИКТА: ТРЕТИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СДВИГ?

А.В. Фененко,

*Координатор проектов Научно-образовательного
форума по международным отношениям*

В течение последних шестидесяти лет ядерный фактор неизменно присутствует в международных отношениях. Уже первое применение атомных бомб в 1945 г. показало: данное оружие обладает не просто колоссальной разрушительной силой, но и вызывает долговременные негативные эффекты. Как следствие, с 50-х годов прошлого столетия великие державы стали рассматривать

ядерное оружие (ЯО) как оружие сдерживания, а не боевых действий. Согласно стратегическим расчетам, издержки от его применения намного перекрывают возможные выгоды. Такой вывод и лег в основу концепции, на базе которой впоследствии возникло понятие «стабилизирующее устрашение» (“stable deterrence”), характеризующее советско-американские отношения. Почему же сегодня эксперты все чаще говорят о том, что в новом веке эта модель может «не сработать»?¹

Вторая половина XX в. была, безусловно, одним из самых интересных периодов в истории военной стратегии. Осознавая невозможность полномасштабного ядерного столкновения, сверхдержавы, а вслед за ними и другие ядерные субъекты, разрабатывали многочисленные сценарии ограниченной ядерной войны (ОЯВ). В развитии этого процесса исследователи достаточно четко выделяют два периода², которые одновременно можно рассматривать и как концептуальные сдвиги в понимании ядерного конфликта.

Первый из них связывают обычно с началом 1960-х годов, когда доминирующей идеей в американской, а затем и общеатлантической стратегии стал разоружающий удар по пусковым установкам противника, а не тотальная атака по его городам. Второй концептуальный сдвиг можно датировать 1974-м годом, когда концепция «контр-силы» постепенно сменялась идеей «ослепляющего удара».

Подобную эволюцию претерпела и советская ядерная доктрина.³ В унисон с американским «гибким реагированием» советская военно-политическая элита выдвигает проекты полномасштабной противоракетной обороны, а десятилетие спустя СССР развертывает собственные «евроракеты» СС-20, позволяющие в считанные минуты уничтожить порты, ракетные базы и центры военно-политического управления стран Западной Европы. *Таким образом, доктрины «гибкого реагирования» и «ослепляющего удара»*

¹ См.: Morgan P. Deterrence Now. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - p. 238 - 284; Brown S. The illusion of Control. Force and Foreign Policy in 21st Century. - Washington: Brookings Institution Press, 2003. - p. 53 - 106; Samore G. The Korean Nuclear Crisis // Survival. The International Institute for Strategic Studies. Vol. 45, № 1. - Spring 2003. - p. 7 - 24; Joek N. Nuclear Developments in India and Pakistan // Access Asia Review. July 1999. - Vol. 2. - No 2.; Арбатов А.Г. Безопасность: Российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999.

² Данный вопрос хорошо изучен в отечественной литературе. См., например: Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984; Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: «Международные отношения», 1989; Стародубов В.П. Сверхдержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. Из англоязычных работ укажем ни в чем не устаревшую монографию: Halperin M. Nuclear fallacy: Dispelling the myth of nuclear strategy. Cambridge (Mass.): Ballinger, 1987.

³ Подробный анализ советской ядерной стратегии см.: McGwire M. Perestroika and Soviet National Security. - Washington, 1991; Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. М.: «Международные отношения», 1995.

свидетельствуют о двух фундаментальных подвижках в осмыслении стратегами (а вслед за ними и политиками) сценария возможного ядерного конфликта и функциональной роли ЯО в мировой политике.

Этот краткий исторический очерк позволяет лучше понять истоки возрождающегося в последние годы интереса к ЯО. Не ослабевающий интерес к проблемам «ядерного распространения» и американской идее создания сверхмалых ядерных боезарядов показывает: на рубеже веков наши представления о возможном ЯО вновь претерпевают радикальную трансформацию. А вслед за ними неизбежно меняется и структура ядерного фактора в мировой системе.

Военные кампании 1990-х показали, что так называемое высокоточное оружие (крылатые ракеты со спутниковым наведением + самонаводящиеся бомбы + цифровые технологии, моделирующие боевые действия в режиме реального времени) оказались способными решать те задачи, которые прежде связывались исключительно с ядерным ударом. «Буря в пустыне» и югославская операция 1999 г. стали символом реализации «доктрины Шлессинджера» без ядерного компонента. В политологии все большей популярностью начинают пользоваться прогнозы о наступлении эпохи бесконтактных «войн шестого поколения», где ядерное оружие вытеснится системой «хирургических» ударов высокоточного оружия.¹ Политики же все чаще говорят о том, что ЯО представляет собой своего рода «лишнее» оружие. Его следует как можно скорее депонировать, а то и вовсе вывести за скобки, по образцу химических боезарядов времен второй мировой войны.

Подобные суждения, однако, оставляют за кадром одно чрезвычайно важное обстоятельство. После «Бури в пустыне» в США развернулась широкая дискуссия о том, что в войне с более серьезным противником поражающая мощь высокоточных систем может оказаться недостаточной. Еще ярче эта тенденция проявилась в период американской операции в Афганистане. Немногочисленные фиксированные цели были уничтожены крылатыми ракетами уже в первую неделю кампании, и для уничтожения подвижных групп на передовой Пентагону пришлось срочно переориентироваться на самонаводящиеся и чрезвычайно мощные авиабомбы. За десятилетие, прошедшее между первой войной в Заливе и антиталибской операцией, стратеги осознали, что сами по себе высокоточные системы еще не являются гарантом победы. Их следует оснастить мощной (и вместе с тем, не «вполне ядерной») начинкой, позволяющей производить объемные взрывы.

¹ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: «Вече», 2002; O'Hanlon M. E. Technological Change and the Future of Warfare. - Washington, DC: Brookings Institution, 2000.

С этой целью возможно, например, заменить ЯО оружием на принципиально новых физических принципах – лазерным, пучковым, сверхвысокочастотным, инфразвуковым, климатическим и т.п. Развитием этой тенденции стали многочисленные и дорогостоящие проекты 1990-х: боеголовки, поражающие микроволновым излучением, нейтронные датчики для распознавания ложных целей, системы кинетического поражения и даже конструирование искусственных молний. И все же их реализация направлена на усиление точности попадания, а не мощности взрыва. Поэтому приблизительно с второй половины 1995 г. на первый план выходит иное решение этой задачи – трансформация тактического ядерного оружия (ТЯО) в принципиально иные боезаряды.

Говоря о замене ЯО чем-то более приемлемым, стратеги 70-х предлагали возможность применения: 1) оружия с использованием энергии ядерного взрыва, основанного на преобразовании «ядерных эффектов» во вторичные поражающие факторы определенной направленности; 2) нейтронных боеприпасов, большая часть энергии взрыва которых поступает в окружающую среду в виде проникающей радиации; 3) «боезарядов с обедненным ураном» – бронебойных сердечников, основу которых составляют твердые сплавы с небогащенным ураном-238.

Из этих проектов реальное применение получил только третий. С 1993 г. подобные снаряды были использованы авиацией НАТО для поражения сербской бронетехники в специально установленных ооновских зонах. Впоследствии они употреблялись как в югославской операции (1999), так и во время второй войны в Заливе (2003). И хотя состав этих бомб был принципиально иным, чем в классическом ЯО, сам факт боевого применения урана снял информационное табу с использования в конфликтах радиоактивных веществ. Напомним, что они не были включены в состав ядерных систем только на основе советско-американской договоренности 1987 г., – весьма шатком компромиссе. Однако через некоторое время после их применения эти снаряды дали классический «ядерный» эффект в виде вспышки лейкемии. Следовательно, урановые стержни предстают перед нами первым опытом «околоядерной» начинки на высокоточных системах.

Следующим шагом в этом направлении можно считать американскую ядерную доктрину 2002 г., окончательно снимающую традиционное деление вооружений на «оружие сдерживания» (ЯО) и «оружие ведения войны» (обычные вооружения).² Теперь к потенциалу сдерживания отнесены как ядерные, так и неядерные ударные системы: различные типы высокоточного оружия

² См.: Независимое военное обозрение. - 2002, № 9. - С. 2. Gordon M. R. U.S. Nuclear Plan Sees New Targets and New Weapons // New York Times. - March 20, 2002.

с «обычной» или же «околоядерной» начинкой. А тот факт, что потенциальные противники США (страны так называемой «оси зла» и афганские талибы, еще контролирующие некоторые высокогорные части Афганистана) обладают труднодоступной инфраструктурой, предопределил интерес Вашингтона к «противобункерным боезарядам». «Маломощная ядерная бомба, - заявил в декабре 2002 г. чиновник Пентагона С. Янгер, - зарывшись в подземный бункер, расплавит окружающее пространство и создаст замкнутый и запечатанный объем, препятствующий распространению радиации».¹ Она, по прогнозам экспертов, сможет выбросить и сравнительно небольшое радиоактивное облако, создающее ядерный эффект на малой территории. Можно ли квалифицировать применение такого оружия как «нанесение ядерного удара»?

Ответ на этот вопрос действительно сложен. В ноябре 2003 г. американский сенат отменил закон Фурса-Спратта, запрещавший создание сверхмалого ЯО. А за несколько месяцев до этого Госдепартамент заявил: основой противобункерного оружия станет новый радиоактивный элемент - гафний.² «Гафниевая бомба» в несколько раз превосходит по мощи классическое ЯО, что делает ее эффективной для поражения подземных бетонных комплексов и пещер. Зато действие гафниевых снарядов может осуществляться без классической реакции распада ядерного ядра и будет похоже на действие нейтронной бомбы, выбрасывающей с помощью изотопов небольшое радиоактивное облако. В таком ракурсе новое оружие предстанет как действительно первый переходный вид между обычными и ядерными системами. Дипломатия получает при этом шанс последовательно отрицать сам факт применения в конфликте ядерного оружия.

Наконец, в последние годы усилился страх перед использованием террористами так называемого «радиологического оружия» - взрывчатки, выбрасывающей в атмосферу радиоактивные элементы.³ Подобную акцию также весьма сложно квалифицировать как прямую ядерную атаку, хотя в ряде случаев (например, во время кризиса на Индостане или американской антитеррористической операции) она вполне может быть рассмотрена как ядерное нападение. В качестве ответной реакции ядерные доктрины США, Индии, Пакистана (а, возможно, и России) вполне допускают использование ТЯО для разоружающего или «ослепляющего» удара. Вполне возможно, что в новом веке «радиологический теракт» станет моментом перехода через «ядерный

порог», которого так боялись во второй половине прошлого века.

Эти тенденции дают основания предполагать, что третий концептуальный сдвиг в понимании функциональной роли ЯО связан с созданием оружия, стирающего грань между ядерными и неядерными системами. Опыт «урановых стержней» показывает, что их применение может ассоциироваться с действием обычных вооружений, хотя в ряде случаев эффект будет равен действию ТЯО, отсюда неизбежны голоса о постепенной десакрализации восприятия ядерных систем.

Говоря о трансформации ядерного фактора в мировой политике, нельзя обойти вниманием другую проблему: почему, несмотря на появление концепций «гибкого реагирования» и «подлетного времени», ОЯВ не состоялась до сих пор? Данная проблема уже стала предметом полемики двух американских исследователей - К. Уолтца и С. Сагана, которые в 2003 г. подвели итоги своей многолетней дискуссии в совместной работе «Распространение ядерного оружия».⁴ К. Уолтц исходит из того, что поражающая мощь ЯО чрезвычайно велика. Мы просто не можем знать, к каким последствиям приведет его применение, а государства, по его словам, «не станут рисковать большим ради малого». С. Саган же, под влиянием М. Макгвайра, склоняется к выводу, что в основе ядерной стабильности лежат наши представления и нормы. В 1950-е годы политические элиты СССР и США пришли к выводу, что ЯО неприменимо ни в каком варианте, и мы до настоящего времени еще живем в пространстве, заданном их координатами. Другое дело, что взгляды однажды могут измениться, и мы вполне сможем представить конфликт с применением ЯО, подобно тому, как в годы первой мировой войны широко использовали отравляющие газы. Однако, несмотря на острую полемику американских политологов, нетрудно заметить, что оба подхода вполне совместимы.

Суммируя их наблюдения, можно понять, что термин «рационализация конфликта», широко используемый в конфликтологии, подразумевает совокупность представлений о ходе возможного конфликта и его допустимости в рамках данной политической системы. Поэтому оба автора (хотя и с разных позиций) говорят об одном и том же: ни один из предшествующих сценариев ОЯВ не давал никаких политических выгод. ТЯО предназначалось для отражения танкового наступления или поражения объектов в тылу противника, после чего внезапно вспыхнувшая война должна была немедленно прекратиться. Что же касается «гибкого реагирования» и «подлетного времени», то они так же ограничивались масштабами одной акции, целью которой было принуждение противника к опреде-

¹ Конец ядерного сдерживания? // РИА-новости, 25 декабря 2002.

² Новое ядерное оружие американцев может произвести революцию в тактике ведения войны // <http://www.svrus.ru/article.php?nod=681>.

³ Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. - М: Мысль, 2002. С. 27 - 29.

⁴ The spread of nuclear weapons. A debate Renewed / Sagan S.D., Waltz K.N. New York; London: W.W. Norton & Company, 2003.

ленным условиям. Но в рамках той неизвестности, которую порождали концепции «ядерной осени» (региональной экологической катастрофы с почти необратимыми последствиями вплоть до изменения структуры атмосферных осадков) и неограниченной эскалации, издержки от этих акций действительно не покрывали возможных выгод.

Теперь мы подходим к принципиально иной ситуации. Третий концептуальный сдвиг создает совершенно новые ситуации, среди которых особенно выделяются: 1) кинетический подрыв ядерных боеголовок противоракетами или их поражение искусственными молниями; 2) удар по труднодоступным целям гафниевыми снарядами; 3) принудительное разоружение новых ядерных субъектов с помощью деактивации их систем микроволновым и высокоимпульсным оружием (вариант, уже опробованный в ходе американской операции в Ираке, проводившейся под лозунгом изъятия химического оружия); 4) политический кризис в одном из новых ядерных государств и захват части их ядерного арсенала политическими или религиозными экстремистами.

К каким подвижкам на уровне сознания приведут эти тенденции? В наши дни (т.е. в эпоху высокоточных войн) американский политолог Р. Кейган справедливо отмечает, что мягкая европейская культура дипломатии все больше вытесняется жесткой американской стратегией превентивных действий¹. Не возродит ли новый технический прорыв тот духовный климат, который установился в Европе в 1880-е годы и господствовал вплоть до начала второй мировой войны? Современники называли его «милитаризмом», подразумевая под ним такую рационализацию конфликтов, которая делает перманентные вой-

ны возможными и даже политически перспективными. В годы холодной войны политический взгляд на ЯО как «оружие сдерживания» действительно вытеснил характерный для военных подход к оружию как к определенному инструменту. Но в ближайшие десятилетия ситуация может кардинально измениться.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Т.Г. Пархалина - главный редактор

**Ю.П. Давыдов,
А.В. Загорский,
Ю.С. Пивоваров,
А.А. Пионтковский,
В.Н. Цыгичко**

Т.В. Арзаманова
(ответственный секретарь)

М.Б. Шнайдерман
(компьютерная верстка
и дизайн)

¹ Кейган Р. Сила и слабость // Pro et contra. - 2002, №4. - С. 127 - 157.

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН при поддержке Информационного Бюро НАТО при Посольстве Бельгии с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в евро-атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН или Информационного бюро НАТО при Посольстве Бельгии.

© ИНИОН РАН Центр по изучению проблем европейской безопасности, 2004
Бюллетень рассылается по бесплатной подписке. Заявки направлять по адресу:
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21, Fax: (095) 128-7988, Телефоны: (095) 128-9344, 128-7988
E-mail: parkhalina@inion.ru <http://www.inion.ru>